

АНАСТАСИЯ

ПОЧЕ́БУТ

ПРОСТОЕ
ПРОШЕДШЕЕ

Анастасия Почебут
Простое Прошедшее

«Издательские решения»

Почебут А.

Простое Прошедшее / А. Почебут — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745368-8

«Простое Прошедшее» — история Джеймса Купера, молодого человека с русскими корнями, который родился и вырос на юге Испании. Он рассказывает о периоде кризиса взросления, о неоднозначных отношениях с друзьями и девушками, а именно о сомнительной незаконной аванюре, в которую втягивает его школьный товарищ, и о девушке, после встречи с которой усугубляются его психические отклонения.

ISBN 978-5-44-745368-8

© Почебут А.

© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Пролог	8
Детство	9
Часть 1	12
Глава 1	12
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Простое Прошедшее
Роман
Анастасия Почебут

© Анастасия Почебут, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Доброе время суток, читатель! Я хочу рассказать о себе и о том, как создавалась книга, которую Вы сейчас держите в руках. Меня зовут Настя Почебут. Сразу хочу отметить, что ударение в моей фамилии ставится на букву Е. Изначально в качестве писательского псевдонима я хотела взять девичью фамилию матери – Дубровская, что, согласитесь, достаточно литературно. Даже на первом экземпляре книги стоит эта фамилия. Однако Почебут – фамилия, с которой я прошла через все прожитые годы, привыкла к ней и уже не чувствую себя собой, назвавшись иначе.

Я родилась и выросла в Перми, уральском городе на берегу реки Камы, окончила английскую школу №7, поступила в Пермский национальный исследовательский политехнический университет на гуманитарный факультет (специальность «Реклама и связи с общественностью»). Меня всегда тянуло к творчеству, и я решила, что смогу раскрыться, работая в рекламе. Но для полной самореализации мне этого не хватило.

Сейчас мне двадцать два года. Кого-то из читателей может оттолкнуть этот факт, ведь существует негласный стереотип, что писатель – человек возрастной и опытный. А что может написать человек двадцати двух лет? Ответ на этот вопрос Вы узнаете, познакомившись с моей книгой.

Я почти не читала того, что задавали в школе: многие русские произведения не трогали моей души (безусловно, существует ряд исключений), и я всегда отдавала предпочтение английской литературе. Я обожаю простоту и саркастичность Диккенса, жёсткость и прямолинейность Оруэлла, трагичность и атмосферность Мёрдок. Но моим любимым писателем был и всегда будет Фаулз.

О Джоне Фаулзе я хочу сказать особо, так как его произведения я считаю не чем иным, как даром свыше. Не могу я поверить в то, что этот человек действительно жил со мной на одной планете, а не прилетел с другой. Прожив хоть десять жизней, я не напишу ничего, хотя бы отдалённо похожего на творчество Фаулза. Я считаю его единственным подлинным представителем магического реализма в мировой литературе. Из режиссёров того же добился только Линч, из художников – Магритт. Если меня спросят, с кем из всех когда-либо живущих людей я бы хотела поужинать, я бы, не задумываясь, ответила: «Фаулз». Он гений, мастер, сверхчеловек. Думаю, те, кто знаком с «Волхвом» и «Коллекционером», не усомнятся в сказанном мной. Однако апогеем творчества Фаулза я считаю «Червя», последний роман писателя. Я могу говорить о Фаулзе вечно, но человеку неискущённому будет меня не понять. Просто знайте, что я рекомендую Фаулза.

Я никогда не думала, что способна написать книгу: литература всегда была для меня предметом стороннего наблюдения и восхищения. Но однажды меня настигла бессонница, и в полусне я стала видеть образы и картины. Я не могла не встать с кровати и не описать увиденное: упустить те мысли я посчитала предательством самой себя. Так была написана первая страница «Простого Прошедшего».

Когда в голове возник цельный сюжет, я дала себе обещание закончить книгу. Я не стремилась к финансовой выгоде, не мечтала об успехе. Я хотела, чтобы родившаяся в моей голове история стала осязаемой, реальной. Я не думала, что история эта будет достойна широкого круга читателей, и, закончив писать, дала прочитать её только самым близким друзьям. Чем больше положительных отзывов я получала, тем большему количеству людей хотела показать книгу. В мой двадцать второй день рождения подруги напечатали пилотную версию «Простого Прошедшего» в типографии, и я поняла, что пора издаваться. Сегодня эмоции от написанного поутихли: я смогла переступить через страх неудачи и со спокойной душой показываю книгу всем желающим её увидеть.

«Простое Прошедшее» – не о русских людях, а о мечте русских людей. Дочитав, Вы поймёте, что я имею в виду. Жить в России и писать о Европе – странно, но на момент создания книги меня вдохновляла именно Европа, и в большей степени – Англия.

К «Простому Прошедшему» прилагается список музыкальных произведений. Я никому не навязываю свои предпочтения, но буду рада, если мои любимые песни помогут погрузиться в атмосферу книги.

Я всегда считала, что хорошая книга – та, после которой кажется, что посмотрел фильм. Я верю, что «Простое Прошедшее» – не исключение. Впрочем, решать об этом Вам! Приятного «просмотра»!

Пролог

Человек, который родился и вырос на берегу океана, каждый день на протяжении жизни носит в кармане весь мир, ему открыты тайны, недоступные другим, он знает всё наперёд, перед ним нет непреодолимых трудностей.

Разве нужно человеческому сердцу что-то ещё, кроме безумной синей бездны, поглощающей все его страхи, ошибки и предубеждения? Твой единственный и самый верный друг, любовник, соратник – океан. Разве что-либо может иметь смысл, когда вся твоя жизнь – это лишь каменное обрамление того безудержного омута, что ждёт тебя за оконными рамами твоего дома?

Дни человека, живущего на берегу океана, летят сквозь прозрачную пелену волн. Эти волны вдребезги разрушают все его попытки стать несчастным. Ничто не залечивает раны лучше невидимых чар этой всеобъемлющей водной глади.

Речь идёт не о пляже, где женщины ходят в бикини, а дети строят замки из песка. Речь идёт не о диких жарких джунглях, берега которых омываются безмятежным бирюзовым бархатом. Речь идёт об угольно-синей водной тьме, которую безнадежно пытается поглотить песочная пыль. В шторм вода становится пепельно-серой, а пенистые раскаты волн разбиваются о прибрежные скалы. Шум той воды представляет собой самую изящную симфонию из всех, что когда-либо улавливал слух человека. И не родился ещё тот, кто всерьёз бы заявил: «Нет, мне это не по душе».

Детство

Меня зовут Джеймс Купер. Мои родители русские. В возрасте двадцати лет они покинули Россию, переехали в Америку, в Чикаго, чтобы начать жить заново. Через четыре года мама забеременела мной, и они с отцом решили, что шумный и тесный мегаполис отнюдь не самое лучшее место для рождения ребёнка. Таким образом, я впервые увидел свет уже в Испании. Родители купили дом на юге страны, в маленьком городе Барбате, и это было их лучшим решением.

Наш дом был воплощением идеальной жизни: стоял на самом берегу могучей Атлантики. Он находился на возвышении прямо между дорогой и пляжем. С заднего двора вниз спускалась огромная алюминиевая лестница, последние ступени которой утопали в песке. Перила лестницы были окрашены ярко-синей, но уже облупившейся краской, а сама она хоть и имела резкий запах железа, всё-таки вызывала доверие. Дом был белый, словно пластмассовый, а зелень вокруг изолировала его от внешнего мира. Слева от нас стояло несколько соседских домов, а наш, по счастливой случайности, был последним: дальше – только бесконечный пляж и, километрах в двух, скалы. Гуляя, я частенько задумывался о том, как сильно расстроюсь, если кто-нибудь решит построить рядом ещё один дом и тем самым займёт наше почётное место заключительного звена.

Я с трудом подбираю слова, чтобы описать ту картину, что каждое утро открывалась передо мной, стоявшим на пороге собственного дома. Распахиваешь дверь и чувствуешь, как тёплый влажный ветер обдаёт тебя с ног до головы. Ты вдыхаешь полной грудью и стоишь, оцепенев от увиденного. Перламутрово-синие волны сменяют друг друга, отражая солнечный свет. Пена, что образуется на самом стыке воды и суши, похожа на узорчатую ткань, украшающую платье дамы восемнадцатого столетия. Где-то в самой дали чайки исполняют свой небесный танец, изредка издавая самые странные, но одновременно самые воодушевляющие звуки, что я когда-либо слышал. Даже самый дорогой персидский ковёр – всего лишь груда ржавых гвоздей по сравнению с песком на пляже во дворе дома, в котором я вырос.

Дом был совсем небольшим, двухэтажным, с тёмной крышей. Сзади, на улице, прямо у лестничного спуска к пляжу, на полу из мраморной плитки стоял обеденный стол из тонкого резного железа. Он хитро прятался в тени деревянного навеса, щедро украшенного виноградными листьями. О, сколько разговоров слышал этот стол, за сколькими ссорами наблюдал, в какое количество тайн был посвящён!

В доме царили тепло и уют, ведь моя мама – самый чистоплотный и педантичный человек из всех. Однажды она купила декоративное мыло в форме пирамидки, а я взял да и помыл им руки, да ещё и кинул его обратно в мьльницу как попало. Сажу в комнате, а из коридора крик: «Ты что с ума сошёл?». Выбегаю в панике, а мама мне: «Как можно было положить мыло в форме пирамиды ребром вниз?» В этом вся моя мама.

Каждая полка в нашем доме кишела вазами, статуэтками, сувенирами, фоторамками и прочими пылесборниками, которые мне частенько приходилось обтирать, и мне это очень не нравилось. У каждой вещи в нашем доме было своё место, и лучше было не забывать об этом, в противном случае мне приходилось выслушивать часовую лекцию о том, как важно не быть свиньёй.

Если серьёзно, для меня моя мама – лучшая мама на свете. Когда мне было десять, они с папой развелись, потому что она зарабатывала больше, чем он, а его это раздражало. Я не хочу сказать, что мой папа – плохой. Просто ему не повезло. Мама всегда говорила, что наш папа и деньги – вещи несовместимые, а при любой нашей ссоре она не забывала напоминать, насколько сильно мне нужно постараться, чтобы не стать как мой отец. Даже сейчас, заработав неплохие деньги, я порой в холодном поту просыпаюсь среди ночи в страхе, что у меня

ничего нет. После развода папа уехал обратно в Россию и до сих пор живёт там. Мы почти не контактируем.

Вспоминая детство с отцом, я чаще всего думаю о его привычке «красиво говорить». Он постоянно заваливал маму обещаниями красивой жизни, не замечая, как она, слушая его бредни, добивалась всего сама. Моя мама – пример сильной самодостаточной женщины, которая никогда не нуждалась в помощи со стороны. Я горжусь тем, что судьба подарила мне такого человека.

Мама научила меня жить и разбираться в людях. Я всегда поражался, с какой лёгкостью она решала денежные вопросы, а тем более вопросы отношений с людьми. На каждое моё затруднение она реагировала смехом и полным непониманием того, как можно было назвать такой пустяк проблемой. Мама знала всё. Я не встречал никого умнее её. Глядя на матерей своих сверстников, особенно на некоторых из них, я не мог понять, как им удалось воспитать детей, которые впоследствии ещё и стали моими друзьями. Я говорю о брошенных мужьями женщинах бальзаковского возраста, которые рассказывают детям, что их отец – плохой человек, о женщинах, которые не могут отпустить свою двадцатилетнюю дочь на вечеринку, потому что она проспала лекцию в университете, о женщинах, которые во все стороны кричат, что их ребёнок – самый лучший, а если ты в этом сомневаешься, они идут к директору школы разговаривать о твоём отчислении. Сдержанность, рассудительность и спокойствие моей мамы лежат где-то очень далеко от всех глупых мелочных вещей, волновавших людей вокруг. Я рассказывал маме почти всё. Она частенько высмеивала поступки моих друзей, называя их неопытными и глупыми. Поэтому я, признаться, старался предоставлять маме максимально красивую, но неправдоподобную информацию о себе, боясь оказаться осмеянным. Мама ещё никогда не ошибалась: стоило мне послушаться её совета, как я оставался ни с чем.

Мы с мамой жили в нашем доме вдвоём. Это было самое счастливое время в моей жизни. У мамы была своя сеть магазинов одежды по всей Испании, поэтому ей часто приходилось уезжать по работе. Время, когда я оставался один, я любил не меньше. Я представлял, что этот дом с видом на океан – мой собственный, и всегда с серьёзным лицом вытаскивал из портфеля связку ключей перед тем, как открыть дверь. Когда мама возвращалась из поездок, я вновь становился собой, тщательно заметал следы малейшего беспорядка и покупал букет цветов, который потом всегда украшал обеденный стол на заднем дворе, а мама ругалась, что я никогда не менял воду в вазе.

У меня было лучшее детство. У меня всего было в избытке. Но при этом я вырос нежадным. Я играл с друзьями в мяч на заднем дворе школы после уроков, по выходным ходил есть мороженое с мамой и её приятелями, иногда дополнительно занимался с учителями, читал книги. Мы с мамой часто ездили в другие страны, но я всегда хотел поскорее вернуться домой. Ничто не предвещало беды.

Разве есть пора счастливее детства? Ты просто живёшь, поддаваясь течению, а твои заботы – всего лишь делать домашние задания и не попадаться под мамину горячую руку. Все вокруг тебя любят и восхищаются тобой, ты – центр внимания! Даже когда ты делаешь что-то не так, ты плачешь, расстраиваешься, а тебя жалеют. В детстве тебя ничто не волнует, ничто тебе не угрожает, ты спокойно спишь по ночам, потому что любую твою проблему решат твои родители.

Я упорно сопротивлялся своему взрослению: отрицал свой возраст и не хотел верить в то, что совсем скоро самому придётся приносить деньги в дом. Мне до сих пор кажется, что вся моя жизнь – страшный сон, а на самом деле я сплю в своей детской, а мама заглядывает в приоткрытую дверь, чтобы посмотреть, почему я так беспокоюсь.

Я всегда со слезами на глазах буду вспоминать время, когда весь мир плясал под мою дудку, время, когда я точно знал, что всё будет хорошо, время, когда беззаботность моей жизни ещё и была преумножена видом из моего окна, время, когда я верил, что возможно всё.

Когда мне было двенадцать лет, я делал первые попытки стать независимым и самостоятельным: часто грубил маме, показывая свой характер, и всегда за это получал. Как забавно наблюдать за детьми, которые находятся на этой же стадии взросления! Они ноют, кричат, фыркают, закатывают глаза и совершенно искренне верят в то, что они самые умные. А ещё забавнее наблюдать за людьми, которые ведут себя так же в сознательном возрасте!

Примерно в четырнадцать лет я впервые осознал, что мне стали нравиться девочки. Я не говорил об этом маме, потому что боялся перестать быть ребёнком в её глазах. Когда она спрашивала меня о противоположном поле, я отшучивался и говорил что-нибудь типа «Ты, вообще, о чём?». Долго скрывать о девочках не получилось, всё-таки это казалось странным.

Где-то лет в шестнадцать, то есть в старших классах, я стал замечать, что и сам не сильно безразличен слабому полу. Я сравнивал себя со сверстниками и осознавал, что по многим критериям стою на ступень выше их. Я был интересен и загадочен, поэтому девушкам было сложно устоять. Они закидывали меня письмами, заигрывали со мной, а самые смелые проявляли безразличие. По неопытности и глупости я, признаться, пару раз попадался в их ловушки, но умело из них выпутывался, так и не успев ничего начать.

Мой первый роман, как не глупо сейчас использовать слово «роман», начался в восьмом классе. Рита всегда считалась самой красивой и неприступной девушкой в нашей школе. И я не мог не доказать всем, насколько просто мне даётся то, что недоступно другим. Все Ритины подружки добивались моего внимания, а я выбрал её. Она не поддерживала дальнейшего общения ни с одной из них, считая, что все они ей завидуют. Более того, она боялась, что кто-нибудь из них вновь меня заинтересует.

Это были неотёсанные подростковые отношения двух людей, которые совсем не понимали друг друга. Сначала всё было не так уж и плохо: обоюдный интерес, встречи, свидания, цветы, свечи, кровати. Вся магия очень быстро испарилась, и я по-новому увидел Риту: глупую, капризную – недалекую особь женского пола, которая беспощадно вцепилась в меня и никак не хотела отпускать. Я постоянно выслушивал её истерические крики о том, что я её не люблю, что не уделяю ей должного внимания, и подобную присущую женщинам чушь. Благодаря Рите, я на протяжении всей жизни видел женщин насквозь с их комплексами и страхами, которые превращали их красоту лишь в дешёвое подобие того, что нормальный мужчина хотел бы видеть рядом.

Сложно поверить, но мы с Ритой достаточно долго были вместе. Несколько лет я не мог избавиться от этого тяжёлого груза в силу привычки и старался мириться с нашими отношениями, ежедневно отсрочивая дату расставания. Самое интересное, что Рита об этом и не подумывала, ведь актёр из меня был превосходный. Я поддерживал связь с ней в более чем близкой атмосфере, иногда даже сам путался в своих чувствах к ней. Порой я, бывало, даже верил в то, что Рита станет моей женой. Она так этого хотела: постоянно говорила, как мечтает гулять с моими детьми по берегу океана. Но ничего у неё не вышло.

Часть 1

Глава 1

– Абсолют, – говорила Мага, подбивая носком камешек из лужи в лужу, – Орасио, что такое абсолют?

– Ну, в общем, – сказал Оливейра, – это такой момент, когда что-то достигает своей максимальной полноты, максимальной глубины, максимального смысла и становится совершенно не интересным.

Хулио Кортасар «Игра в классики» (1963 г.)

Я смотрел на Дона. Он сидел на парапете в заднем дворе нашей школы и держал в руках наполовину пустую бутылку виски. На часах было около двух ночи. Наш выпускной вечер подходил к концу. За калиткой вдалеке виднелись уходящие шёлковые женские платья, на плечи хозяек которых были накинuty мужские пиджаки. Мы слышали, как открывались двери здания, и каждый раз до нас доносилась музыка, всё грустнее и грустнее с каждой песней.

– И вот что сейчас делать?

– Мы вроде бы хотели ехать к Брэдли. У него дома никого.

– Я не о том, Джеймс!

Дон встал, начал широкими шагами расхаживать по двору, недоумённо прикладывая руки к голове.

– Что, вообще, нам сейчас делать? У меня ничего нет, кроме этого здания! Мы больше не посидим в столовой и не покидаемся едой. Больше никакого ягодного морса и тушёной картошки. Больше никакой миссис Кларк. Мы больше не увидим, как она ведёт урок и одновременно моет окно! Никаких поездок с классом и весёлых песен в самолёте. Даже проспять и прогулять теперь нечего!

– Дон, перестань. Без тебя грустно. Меня будто опустошили. Завтра проснусь, и никуда идти не надо, – добавила Рита, скидывая каблуки на пол.

Мы сидели и молчали несколько минут, просто глядя вдаль.

– Пойдёмте лучше на берегу посидим! Я вообще скоро уеду туда, где ни океана, ни моря нет. Хочу напоследок насладиться...

Резко наклонившись вперёд, Рита взяла туфли в руки, и мы направились в сторону звуков волн.

Ночью океан ещё нежнее и романтичнее. Мы с Ритой уже сидели на скамейке и наслаждались тёплым ветерком, а Дони всё ещё плёлся где-то сзади. Я смотрел на воду, а Рита смотрела на меня. В её взгляде читались преданность и страх за наше витающее в воздухе расставание. Дон разрушил всю магию её чувств своими громкими шагами. Он упал на скамейку рядом с нами и снова начал заливать:

– А что будет-то с нами? Я не хочу никого знать, кроме вас, ребята. Вдруг мой новый друг будет красть деньги у меня из сумки? Вдруг он будет убийцей! Ты, Джеймс, вообще готов к таким поворотам?

– Дон, ты привыкнешь ко всему, а вот сейчас тебе стоит пойти домой и уснуть.

– Только не это! Чем дольше будет длиться эта ночь, тем лучше! Я, считай, пытаюсь свои школьные годы продлить этой ночью. Сегодня последний шанс. Потом вспоминать будем. Вы слышите? Слышите? Где-то музыка играет!

– Эй, вы там!!! – где-то далеко со стороны дороги раздался голос Брэдли.

Он, конечно, всегда выдавал что-то невероятное, но в этот раз даже превзошёл самого себя. Он почему-то ехал на велосипеде, к рулю которого был прикреплѐн маленький магнитофон. На Брэдли были рубашка и пиджак, в которых он был на вечере в школе, а вот брюки куда-то исчезли. Вместо них – ярко-голубые купальные шорты с жѐлтыми бананами, а на ногах просто белые носки.

Дон при виде Брэдли не мог и слова спокойно произнести от сводящего скулы смеха, загибался и еле стоял на ногах, издавая нечленораздельные звуки.

– Брэдли... Брэд, ты идиот... Ты как это... Что это ты...

Брэдли с крутым видом доехал до нас. Велосипед, ясное дело, начал падать, угодив в песок. Брэдли стал падать вместе с ним и, еле удерживаясь на одной ноге, отпрыгнул подальше. На нём, как оказалось, были ещё и солнцезащитные очки. Он резким движением снял их, и они с Доном, уже вдвоём, согнулись в конвульсиях, держали друг друга за плечи и ржали как ненормальные. От этой картины нам с Ритой тоже стало дико смешно, и мы очень долго просто сидели на пляже и наслаждались весёлой атмосферой уходящей молодости.

Дон и Брэдли – два моих лучших друга. Они из тех людей, которым неважно, что о них думают другие. Я в нашей троице самый адекватный. Дон – это тот самый парень, который в компании друзей пьѐт больше всех, но делает это невероятно умело: даже если никто вокруг не употребляет алкоголь, а Дон высосал ящик абсента и лежит лицом в салате, он обставит всё так, что никто не усомнится в его достоинстве. В трезвом состоянии Дон частенько пропадал на несколько дней, и ни одна душа не имела права знать, где он был, а спрашивать было страшно – вдруг ударит. Дона, несмотря на некоторую его грубость, я глубоко уважал, – я же знал, что дерзость – это всего лишь самозащита. Брэдли был таким дурачком. Не подумайте плохо – все очень любили Брэда. Но он всегда занимался какой-нибудь ерундой! Однажды он приехал в школу с лысым котом на поводке! В другой раз на спор зашѐл голым в магазин и купил жѐлтый латексный костюм, в котором позже проследовал на вечеринку. Из-за своих выходов Брэдли не раз приходилось просыпаться в отделении полиции. Зато по возвращении оттуда его встречали как короля. Верите или нет, но Брэдли был невероятно умѐн: в совершенстве знал три иностранных языка, физику, химию и поступал, кстати говоря, в какой-то очень престижный лондонский университет. Я обожал своих друзей.

– Пошли в воду! Скорее! Пошли!

Брэд скинул носки с пиджаком и побежал в сторону волн.

Дон выкинул уже пустую бутылку виски и погрузился в океан, при этом в шутку толкнул Брэдли и попытался его утопить.

Я проводил Риту до дома, и мы долго прощались, стоя в свете уличных фонарей.

– Дон прав. Что дальше? Что будет с нами? А со мной что будет без тебя? Я боюсь даже думать об этом. Хочу, чтобы завтра никогда не наступало.

– Правильно, не думай. Мы справимся с этим, Рита. Я обещаю.

– Ты справишься, а я нет.

– Ты хочешь опять начать этот разговор и испортить, наверное, последний хороший вечер в нашей жизни?

– Да, хочу. Тянуть уже некуда! Завтра всё закончится, оборвѐтся. Завтра уже не будет нас.

Она вырвала свою руку из моей и сделала шаг назад.

Несмотря на наигранный трагизм, в её словах была доля правды: следующий день определял всю нашу дальнейшую жизнь – мы с Дони отчаливали в Барселону, Брэдли – в Лондон, а через неделю Рита уезжала в Прагу. Почему Рита не отправилась в Барселону со мной, ведь так бы и выглядели наши идеальные отношения? Сложно сосчитать, сколько бессонных ночей Рита провела в слезах из-за того, что родители не разрешили ей поехать со мной. У родственников Риты была квартира в Праге, и только в Праге был университет с бюджетными местами. Рита постоянно ссорилась с отцом, даже сбежала из дома. Однажды её увезли в больницу с нерв-

ным срывом. Она бредила мной и нашим совместным будущим и не могла поверить, что ей придётся хотя бы день своей жизни провести без меня. Я успокаивал её, приезжая к ней среди ночи, заваливал её цветами и подарками, только бы ей стало лучше. Я чувствовал свою вину. Не потому, что не мог помочь ей, а потому, что меня наше расставание совсем не волновало. Как бы я ни старался расстроиться по этому поводу, у меня это никак не получалось. Признаться, я даже был рад тому, что судьба сама разлучила нас, что мне даже не пришлось что-то делать самому. В нашем расставании от меня будто бы ничего не зависело, и Рита не винила меня ни в чём, а наоборот, считала, что я страдаю не меньше, чем она. Как же хорошо, что мне самому не пришлось бросать Риту! Она бы устроила такую сцену, что мне до конца жизни пришлось бы вспоминать об этом и мучиться. Признаюсь вам ещё и в том, что я мог бы и не ехать в Барселону, у меня была возможность поехать куда угодно. Будь моя любовь к Рите настоящей или хотя бы существующей, я бы уехал с ней в Прагу. Но Рите об этом знать не обязательно. Я тщательно продумал свою гениальную ложь: наплёл ей о маминой работе и моей необходимости ехать именно в Барселону, чтобы мамин бизнес был под контролем, сказал, что пытался сделать всё возможное. Мы были вместе три с половиной года, я был Ритиной первой любовью, и, наконец, пришло время прощаться.

– Это наш последний шанс, Джеймс. Прошу тебя. Давай ты никуда не поедешь. Давай я никуда не поеду. Давай останемся тут. Мы будем счастливы.

Она обещала мне больше не плакать, но я снова увидел слёзы на её глазах. Я обнял её, и, она молча рыдала на моём плече.

– Мы ещё завтра увидимся. Успокойся, иди спать.

Не сказав ни слова, Рита медленно удалилась. На улице уже светало. Я шёл вдоль берега, слушал прибой и кидал камни в воду. Я прощался с родными местами. Хотелось плакать, но я никогда не плакал. Я полчаса просидел на пляже возле дома, потом прогулялся до скал. Как же прекрасен одинокий океан! Никогда не любил пляжи, переполненные людьми, которые шумят, играют в мяч, с разбега прыгают в воду – кишат, как муравьи. Уверяю вас: тот, кто создал океан, сделал это, чтобы любоваться, созерцать и воодушевляться. Океан – как дорогая фарфоровая коллекционная кукла: ты не играешь ею, ты даже не достаёшь её из упаковки, она просто стоит на полке и радует тебя своим присутствием. Поэтому я люблю пляжи, на которых не бывает людей. Я люблю быть с океаном один на один.

Как и большинство людей, я никогда не могу уснуть в ночь перед отъездом. В ту ночь я тоже не мог спать: то и дело спускался на кухню и пил воду. Когда я решил начать собирать вещи, было уже раннее утро. Мама всю неделю делала мне выговоры на тему того, что я не успею ничего сделать перед отъездом. Она была права: не так просто за несколько часов собрать чемодан, с которым ты уезжаешь на несколько лет, а может, и навсегда. Ужасно хотелось положить с собой детские игрушки, рамки с фотографиями, и я даже думал увезти с собой чайник или утюг, чтобы они напоминали о доме. О, мой дом: дом, где я сделал первый шаг, дом, где меня научили всему, дом, где я стал самим собой! Я ходил по дому всё утро и обнимал стены, брал с полок вещи, рассматривал их, теребил в руках. Я ложился на пол, гладил ковёр и наслаждался прощальной атмосферой самого лучшего места на Земле. Проснулась мама.

– Ну что, грядут большие перемены?

– Я не хочу об этом говорить. Давай притворимся, что я уезжаю на пару недель.

Мама подошла, обняла меня и поцеловала в лоб.

– Я в магазин. Вернусь к вечеру и провожу тебя.

И я остался лежать на ковре и смотреть в потолок. Звонок в дверь привёл меня в чувство. Я испугался, что это Рита. Я не хотел её видеть.

Это был Дон – стоял на пороге, поднятой рукой, в которой была сигарета, держался за дверной косяк, во второй руке – сумка.

– Что-то мало вещей ты с собой взял.

– Кинул всё, что лежало на кровати. Какая разница! В новую жизнь нужно входить налегке.

Дон прямо-таки вломился в дом, со всей силы кинул сумку в угол и улёгся на диван, подняв ноги к потолку.

– Есть пиво? Я чуть не сдох, клянусь, пока доплёлся до тебя. Всю жизнь бы лежал после вчерашнего!

Я достал холодную банку пива из холодильника и кинул её Дону. Он произвёл движения из рекламы шипучих напитков и закрыл свои и так не сильно открытые глаза.

– Что-то я волнуюсь, Дон. Страшно уезжать.

– Я тоже боялся. Но надо просто поддаться течению и плыть куда глаза глядят. Представь, что завтра первый день после конца света, а всё, что было раньше, – просто сон.

– Ты представь: нам с тобой придётся самим себе еду готовить и убираться. Я твои трусы стирать не буду.

– Да перестань ты! С голоду не помрём. И заведём себе по бабе, на худой конец.

– Спасибо, с меня баб за последние три года достаточно.

– Кстати, где Рита? Почему она не плачет тут рядом со мной на диване?

– Я просил тебя не шутить на эту тему. Я тебе не для этого рассказываю о наших проблемах.

– Ты собрался? Пошли. Прогуляемся, поедим где-нибудь. Невозможно сидеть в четырёх стенах.

Мы зашли в наше любимое кафе напротив школы, где частенько проводили время после уроков. Вы бы видели наше удивление, когда мы застали там почти всех наших одноклассников!

– Надо же! Мы и не думали вас тут встретить!

– Джеймс! Дон! Мы вам весь телефон оборвали! Мы тут собрались и празднуем похмельное утро!

– О! Это то, что нужно! – обрадовался Дон. – Мне куриный бульон с гренками!

– А где Рита, Джеймс? Последний день, и вы не вместе?

Это был ехидный вопрос от Стеллы, с которой Рита дружила до восьмого класса, а потом их пути разошлись. Стелла всю жизнь любила меня и не упускала возможность подсесть ко мне поближе, когда Риты не оказывалось рядом. Я мило улыбнулся и сел как можно дальше от неё.

Эта встреча с классом в кафе – как раз то, что было нужно перед отъездом. На мгновение даже показалось, что мы сейчас пойдём домой, сделаем там уроки, ляжем спать, а утром – опять на занятия. Но все беседы были пропитаны тихой грустью воспоминаний о времени, которое нам больше никогда не пережить вновь. Мы просидели в кафе несколько часов, и наши рты не закрывались. Мы вспомнили и обсудили, должно быть, каждый день, пережитый в школе. Мы смеялись до слёз, обнимались и до последнего не могли поверить в то, что придётся прощаться.

Я не сомневался в том, что Рита устроит сцену на вокзале. Она изо всех сил старалась сделать это как можно тише, потому что боялась оставить плохое прощальное впечатление о себе. Она плакала и не могла остановиться. Я сдержался, и мне удалось не наобещать ей всяких глупостей. Я прошептал «Прощай!» ей на ухо и оставил её сходить с ума наедине с собой.

На мне была футболка, и мне было жарко. По непонятной мне причине, Дон был в пальто – длинном, сером, достаточно плотном пальто. Лицо Дона украшала недельная щетина, а запах перегара опережал его метров на пятнадцать. При этом, уверяю вас, каждая женщина в досягаемом радиусе не отказалась бы провести с Доном ночь. Было в нём какое-то животное притяжение или, может быть, факт того, что в свои восемнадцать он выглядел на все двадцать шесть, не знаю, но, словно по взмаху волшебной палочки, он заставлял каждую вторую женщину мечтать о нём. И я уже тогда знал, что Дон далеко пойдёт.

Мы упали в свои не самые мягкие кресла второго класса и приготовились к нашей короткой, но судьбоносной дороге.

– Мог бы побриться перед первым шагом в новую жизнь.

– Не переживай, Джеймс. Это не последний первый шаг в нашей жизни.

Это были последние слова Дона на территории Барбате. Он закрыл кепкой себе лицо и сладко спал, пока я волнительно перечитывал одну и ту же газету на протяжении всего пути.

David Bowie. Suffragette City

Глава 2

Не думайте, что я беден, раз живу здесь без особых затей. Я очень богат. – Он произнёс это так, словно «очень богат» было национальной принадлежностью; возможно, и вправду было.

Джон Фаулз «Волхв» (1965 г.)

Барселона. Город, воздух которого пропитан сладким ожиданием чего-то нового. Город, где ты смеёшься сквозь слёзы. Город, сочетающий в себе классические мотивы европейской архитектуры и лучшие веяния современности. Город, о котором невозможно услышать плохое.

Это город, который сделал меня самостоятельным. Город, который научил меня пить много, но в меру. Город, которому я говорю большое спасибо за дни, что могут официально именоваться днями моей восходящей молодости.

В Барселоне я отдавал предпочтение прогулкам по городу. В Барбате я любил быть один, в Барселоне – нуждался в толпе вокруг. Бытует мнение, что Барселона – это город, убитый туристами. Но, по мне, они придают ему особый шарм. Барселона не принадлежит к числу городов, которые стали бы лучше, если с их улиц убрать всех людей. Европа – туристическая зона, и она не будет столь прекрасна без японцев, рассматривающих карты на перекрёстках, без американцев, идущих прогулочным шагом в форме любимой бейсбольной команды, и без торопящихся непонятно куда русских, желающих узнать и попробовать всё как можно скорее.

Представьте типичное кафе в самом центре Барселоны. Оно хранит в себе тайн больше, чем дневник двенадцатилетней девочки. За столом у окна два парня из Дрездена обсуждают покупку новой машины. За барной стойкой оплачивает шампанское пара из Москвы: он только что сделал ей предложение на площади Каталонии, она судорожно звонит маме, подругам и вводит их в курс дела. Жених с сияющей улыбкой на губах наслаждается видом своей будущей жены. За столом в центре зала сидит женщина лет сорока и ждёт, когда её дочь вернётся из уборной. Девочке – пятнадцать, и она впервые познала горе безответного чувства: закрылась в кабинке туалета и пытается сдержать слёзы, чтобы мама ничего не заподозрила, когда она выйдет. Официант и повар – пара гомосексуалистов. Один из них изменяет другому с поваром из ресторана напротив. Обманутый никогда не узнает об этой несправедливости. Будущие обладатели нового автомобиля покидают заведение, не оставив чаевых. Должно быть, новая покупка действительно потребовала от них много затрат. Их место занимает властная бизнес-леди с идеальным маникюром. На вид ей немного за пятьдесят, у неё за спиной два развода, четыре молодых любовника и порядка десяти абортотворений.

Я стоял за окном и всматривался в лица этих людей сквозь витрины французских пирожных и стаканов с апероном. А за стенами этого кафе ведь целая улица таких же людей! У каждого из них своя судьба – судьба, абсолютно не касающаяся судьбы человека, идущего рядом. Я смотрел на темнокожую девушку через дорогу и думал о том, как она, должно быть, росла в доме своих родителей: у неё была любимая кукла в васильковом платье, которая до сих пор украшает полку её нынешней квартиры. Её отец бросил её мать, когда ей было шесть, а может быть, он погиб. Возможно, он жив и здоров, и девушка ехала к нему в гости. Она, как и все мы, училась в школе и дружила с одноклассниками. Может быть, она была изгоем среди сверстников. Может быть, она гений и перескочила несколько классов, сразу получив аттестат. Дом, в котором она росла, мог представлять для неё такую же ценность, как для меня дом в Барбате.

Я просто смотрел, как эта девушка завязывает шнурки на другой стороне улицы. Я мог бы подойти к ней и поделиться с ней своими мыслями. Возможно, она слушает музыку, которая мне не по душе. Меня начнёт это раздражать, я развернусь и уйду. Возможно, мы бы смогли проговорить несколько часов, пока на улице бы не стемнело, потом бы поняли, что пора идти,

и обменялись бы номерами телефонов. Она бы ждала моих звонков. Я бы позвонил. Я бы женился на ней, и мы бы вместе приезжали на могилу её отца. или ходили бы к нему в гости. Я никогда бы к ней не подошёл. Я никогда бы не подошёл так ни к одной девушке. Только подумайте, сколько историй и судеб мы теряем из-за простых условностей, навязанных обществом! Я мог бы жить гораздо интереснее. Я бы знал всё о других, а они – обо мне. Я бы, как коммивояжёр, наудачу подходил бы к каждому потенциальному собеседнику и предлагал бы ему поделиться со мной своей историей. Двухметровый мужчина в спортивном костюме ударил бы меня. Молодая девушка на каблуках убежала бы, подвернув ногу. Восьмилетний паренёк в цветастой футболке с удовольствием рассказал бы о шахматном кружке, в который его заставили ходить родители. Тридцатилетняя работница банка попыталась бы дать мне мелочь. День прошёл бы зря, если бы не пожилая женщина в платье по шиколотку и накинутом на плечи платке. Её дети приезжают в гости очень редко. Но не потому, что они её не любят, а потому, что много работают, чтобы обеспечить ей хорошую старость, а её внукам хорошую молодость. Эта женщина скажет мне всё. Я зайду к ней в дом, буду рассматривать старые фотографии на камине и детские открытки, которые рисовал её сын, когда ходил в детский сад. Дом у неё одноэтажный (подниматься по лестнице в её возрасте уже сложно). Я тот самый редкий гость. Она поставит на стол самые красивые чашки и достанет угощение, припасённое на особый случай.

Я услышу всё и даже больше. Это было пятьдесят лет назад, а она говорит так, будто это было вчера. Муж, ушедший на войну. Она зачёркивала числа в календаре, и он вернулся. Он не был тем, кого она любила больше жизни. Свою любовь ей пришлось покинуть в силу обстоятельств. Она была молода и красива, а он не подавал больших надежд. Что если бы они встретились сейчас? Скорее всего, он уже умер. Может, он сейчас сидит в одноэтажном доме на другом краю света и рассказывает свою историю такому же сумасшедшему, как я. Была бы возможность, я бы устроил им встречу. Ей бы казалось это предательством покойного мужа, а он бы смущался и молчал. Они бы грустно вспоминали всё, что их связывает. Я вдумывался в каждую мелочь, каждую деталь её истории. У неё почти каждые пятнадцать минут наворачивались слёзы на глаза. Это были слёзы радости. Она была искренне рада своим прожитым дням. Конечно, горечь об упущенном давала о себе знать, но всё это было далеко в прошлом, и боль уже не ощущалась так остро. Однажды каждый из нас будет сидеть у камина, рассматривать фотоальбомы и думать о том, что он когда-то сделал не так.

Дон по сей день остаётся для меня человеком-загадкой. Мы жили в квартире его друзей, которых я в глаза не видел, но меня это устраивало, потому что за несколько лет я не выложил ни цента за это место. Моей маме об этом знать было не обязательно, так как я находил, куда потратить пару лишних сотен. Дон постоянно таскал домой девок, курил в постели, раскидывал повсюду бутылки. Что поражало меня больше всего, так это то, что он всегда вовремя ликвидировал долги по учёбе. Этого с трудом мог добиться даже я, находящийся в трезвом уме чаще Дона.

Наша квартира находилась почти в самом центре, в двух шагах от нашего университета. С этим нам повезло. Иногда мы прибегали домой поспать во время неважных пар, а потом возвращались обратно. Первое время приходилось есть магазинные салаты и запивать их концентрированным соком, так как ни на что большее ума у нас не хватало. Пострадав от болей в животе, мы перешли к здоровому образу жизни и даже скинулись на набор хорошей посуды. Несмотря на беспорядок в душе и квартире, мы находили в себе силы на составление расписания готовки и уборки, которое, по традиции, висело на холодильнике. Как бы Дон ни был пьян, он всегда вставал пораньше по понедельникам, средам, пятницам и воскресеньям, чтобы

приготовить мне яичницу. Я чувствовал, как мы взрослеем, набираемся опыта, и вместе с нами взрослела наша дружба. Мы стали друг для друга больше, чем просто бывшие одноклассники, знающие один о другом чуть более, чем домашний адрес, и больше, чем просто сожители, помогающие друг другу встать на ноги в новом городе. Мы стали братьями. И я с радостью доверил бы Дону жену в случае моей смерти.

Кстати, о смерти. Спустя три года после нашего переезда в Барселону у Дона умер отец. Я никогда не видел его отца, и мне казалось, что и сам Дон тоже редко с ним встречался. Однако его смерть до неузнаваемости изменила поведение моего друга: он перестал гулять по выходным, пропадать на неопределённые сроки. Иначе говоря, он остепенился. С тех пор наша жизнь стала еще спокойнее.

Мне обещали, что в университете будет лучше, чем в школе. Говорят, студенческие годы – лучшее время в жизни. Мы с Доном были готовы оспорить это мнение. Да, мы нашли с десяток вполне адекватных, весёлых ребят. Да, они понимали наши шутки, а мы могли расслабиться в их компании. Но сейчас я с трудом могу их вспомнить. И заметьте: можете разбудить меня среди ночи, и я без запинки назову имена, фамилии и дни рождения всех своих одноклассников. Думаю, это о многом говорит.

Я описал основные факты нашего так называемого путешествия в Барселону. Я довольно смутно помню детали своего пребывания там. Порой кажется, что меня там и не было вовсе, а все картины и образы оттуда запрятались в самый туманный угол моего сознания. Там мы с Доном прожили несколько лет, пока не окончили университет. Там я прочитал много интересных книг, побывал во многих интересных местах и познакомился со многими интересными людьми. У меня было несколько романов в тот период, но ни один из них не закончился чем-либо знаменательным. По сути, ни одна из девушек к тому моменту не разбудила во мне больше эмоций, чем Рита в своё время. Все они вызывали лишь первоначальный интерес, после чего вынуждали полностью в них разочаровываться. Может, дело было во мне? Мой мозг тогда совершенно не был запрограммирован на долгосрочные отношения с нескончаемым потоком чувств. Девушек я, грубо говоря, брал в аренду: смотрел, играл и отдавал кому-нибудь другому. Они обижались и плакали. Тем не менее, у каждой из них сейчас всё хорошо: кто-то сразу после наших встреч вышел замуж, кто-то уехал на другой континент, а кто-то до сих пор держит моё фото под подушкой, и я надеюсь, что это фото, а не кукла вуду, потому что обстоятельства, которые возникли передо мной в дальнейшем, нельзя назвать обычной мезьей судьбы.

Не знаю, почему так кратко и пресно я описал годы в Барселоне. Это было время организации моего внутреннего переворота и подготовки к новому уровню жизни – ответственности. Последние два года учёбы я проходил практику в солидной фирме, а позже стал там работать. Конечно, устроиться туда мне удалось не без маминых связей. Учился и работал я с огромным интересом, хотя, возможно, я просто заставляю себя верить в это, ведь выбора у меня не было. Я тяготился зависимостью от мамы, и мне хотелось иметь в кармане собственные деньги. Получив диплом, я остался в Барселоне ещё на год. В последний год я мог работать полный день, поэтому было проще: не приходилось бегать из университета в офис и обратно, я успевал выспаться, а вечером не было никакой домашней работы. Иногда я ездил на выходные к маме. Я настолько любил эти поездки, что старался не совершать их еженедельно, чтобы каждый мой приезд был чем-то особенным, таким праздником. Я всегда привозил с собой несколько огромных пакетов самой вкусной и необычной еды, и мы с мамой устраивал пир, разговаривая всю ночь. Гуляя по городу, я вспоминал детство, грустил о нём, жалел, что придётся возвращаться. В Барбате я чувствовал себя спокойно – не нужно было рано вставать или куда-то спешить. Там я жил, а не существовал. Мама готовила завтрак, я снова чувствовал себя ребёнком. Приезжая, я старался ни с кем из старых знакомых не видеться, хотя никого и не было в городе. Я избегал звонков и встреч. Барбате – территория, принадлежащая трём людям: мне, маме и моим воспоминаниям.

Чуть не забыл о Рите! В первый год моей учёбы в Барселоне Рита заваливала меня письмами. Это были письма, полные страданий, письма, залитые слезами, письма, каждое второе слово в которых было однокоренным слову «любовь». К концу года я мог уже даже не дочитывать предложения, а заканчивать их сам: всё в них было так предсказуемо слащаво. Через год поток Ритиных посланий прекратился. Насколько мне было известно, она себе кого-то нашла. С тех пор я получал письма раз в полгода, и смысл каждого из них можно выразить предложением «Я счастлива без тебя». Она рассказывала мне, как хорош её новый хахаль, как он её любит, как он подарил ей поездку туда, где очень тепло, а песок белый и повсюду пальмы. При этом она постоянно кичилась своим бутафорным счастьем, а главная мысль всех её сочинений стала соответствовать фразе «Смотри, что ты потерял». Я мог только саркастически улыбаться, читая то, что она пишет. Очень жаль, что малейшая нежность, которую я к ней питал, утонула в болоте её собственного желания доказать, что ей живётся лучше, чем мне.

Когда мне последний раз дали отпуск на работе, я приехал в Барбате на целую неделю. Рита тоже была там и жаждала встречи со мной. Но я не стремился к этому. Меня тошнило от одной мысли о ней. Я представлял, как изменилась её внешность, как она сменила стиль одежды на более экстравагантный, как готовилась к тому, чтобы через десяток лет стать занудливой матерью двум детям и упаковывать им сэндвичи в школу по утрам. Хорошо, что сейчас она хотя бы знала, что это будут не мои дети.

В один прекрасный день раздался телефонный звонок. Это был Брэдли. Вы помните Брэдли, нашего гениального друга, уехавшего в Лондон?

– Джеймс, это ты?

Я даже не сразу узнал его. Мы поддерживали связь, но очень редко удавалось пообщаться. Виделись мы всего дважды за эти несколько лет. Оба раза все трое – я, Брэдли и Дон – упивались до такого беспамятства, что за встречу это можно было и не считать. Однако интонацию его голоса я узнал сразу. Я узнал бы её и через тысячу лет, так глубоко она сидела в глубинах моей памяти.

– Брэдли?

– Дон с тобой?

Это прозвучало так, будто мы до сих пор прогуливаем школу и Брэдли звонит мне, чтобы убедиться, что нас тоже нет на занятиях; сейчас бы он приехал к нам, и мы бы вместе ушли в кино, а потом заглянули на задний двор школы, чтобы покурить со всеми.

– Спит в соседней комнате, – с подозрением ответил я.

– Нам нужно срочно встретиться!

– Ты разве не в Лондоне?

– Вылетаю в Барселону через два часа, звоню из аэропорта.

– Хочешь остановиться у нас?

– Я не один, уже забронировал номер в отеле. Я доеду до вас, когда размещусь. Адрес тот же?

– Да. А что за срочность? Что-то случилось?

– Всё при встрече! Будьте дома!

Этот разговор был совсем не похож на разговор с Брэдли. Он даже не удосужился спросить, не собираемся ли мы пойти куда-нибудь, были ли у нас запланированы дела на тот день. Видимо, случилось что-то действительно важное. Я разбудил Дона. Его удивило то, что я ему рассказал. Он принялся судорожно убираться в квартире – всё-таки Брэдли у нас не частый гость.

Увидев Брэдли на пороге, мы были, мягко говоря, удивлены. У Дона даже рот приоткрылся, и мне пришлось пихнуть его локтём, чтобы он опомнился. Брэдли изменился настолько, насколько это было возможно сделать за два года (именно два года назад мы видели его в последний раз). Одет он был с иголки: тёмно-синий классический костюм на нём, сразу видно, либо был сшит на заказ, либо был просто очень дорогим, ботинки – из кожи, скорее всего, крокодила. А улыбка! Что он сделал со своей улыбкой? Белоснежные ровные зубы, которых у него никогда не было. И идеальная стрижка, идеально выбритое лицо. И даже походка и манеры изменились исключительно в лучшую сторону. Перед нами стоял, по меньшей мере, молодой преуспевающий миллионер, но никак не наш школьный товарищ, которого мы привыкли видеть в заляпанной футболке и спортивных штанах, растянутых на коленях.

– Что вы сделали с нашим другом Брэдли, молодой человек? – спросил Дон, как бы закидывая удочку, чтобы посмотреть на реакцию Брэдли и убедиться в том, что жив ещё наш старый добрый друг внутри этого незнакомца.

– Я понимаю вашу реакцию, друзья – я немного изменился за последнее время!

– Мягко сказано, – повторно оглядев Брэдли с ног до головы, прошептал Дон.

– Как живёте? Рассказывайте.

Несмотря на то, что Брэдли каждым своим жестом пытался доказать, что за столько лет связь между нами никуда не исчезла, нам с Доном было не по себе. Мы просто не знали, как себя вести, – не каждый ведь день к тебе в гости приходит человек в костюме стоимостью с твою годовую зарплату.

– У нас всё хорошо. Но, видимо, не так хорошо, как у тебя. Рассказывай ты. Думаю, твоя история поинтереснее будет, – с явно нарастающей завистью нараспев произнёс Дон.

– Об этом расскажу потом. Я так соскучился по вам, вы не представляете! Так приятно оказаться среди своих настоящих друзей.

Возникло чувство, будто весь полёт Брэдли обдумывал каждое сказанное слово. Мы понимали, что ему от нас что-то нужно.

Мы расположились на кухне. У нас была просторная светлая кухня с большим круглым стеклянным столом, стоявшим у самого окна, ставни которого почти всегда были нараспашку. Холодильник пестрил всякими магнитами и открытками, отчего помещение казалось очень даже уютным. Несмотря на все годы, проведённые за распитием чая на этой кухне, она так и не стала мне родной. Это всё-таки не моя кухня в Барбате... Поэтому на нашей кухне в Барселоне я каждый раз сидел будто впервые. А уж сидеть на нашей кухне с Брэдли было ещё куда более необычно. Казалось, мы где-то совсем в другом измерении, на стыке прошлого и настоящего.

Пока Дон пытался найти что-нибудь съедобное в холодильнике, Брэдли выставил на стол несколько бутылок не самого дешёвого виски, что сразу, конечно же, задобрило меня и моего соседа. Мы достали стаканы и закуску и принялись говорить тосты за нашу дружбу. Брэдли настаивал на том, чтобы сначала особо не налегать, потому что нас ждал важный разговор.

– Друзья... Я прилетел сюда не просто так.

– Мы уже поняли, Брэдли, у тебя получилось застать нас врасплох.

– Для начала хочу рассказать вам о том, что со мной случилось, и объяснить, что меня к этому привело.

Небольшая справка о Брэдли, чтобы понимать, о чём он будет рассказывать. Когда мы учились в школе, Брэдли жил с матерью. Она нигде не работала, но жили они достаточно неплохо. Подрастая, мы стали задаваться вопросами, откуда у Брэдли и его мамы появился такой не самый бедный дом и почему вообще они могли вести далеко не самый скромный

образ жизни. Вскоре стало известно, что отец Брэдли – мистер Парсонс, мультимиллиардер, проживающий в Лондоне. Ещё будучи человеком среднего звена, мистер Парсонс разошёлся с матерью Брэдли, когда тому было два года. Джонатан Парсонс покинул Барбате и перебрался в Лондон, где ему и удалось успешно выстроить свою бизнес-империю (так об этом пишут в газетах, на самом же деле никому не известно, чем занимается этот человек). С матерью Брэдли Джонатан всегда был в хороших отношениях, поэтому, как только разбогател, стал отваливать ей неплохие суммы в качестве алиментов. После школы Джонатан настоял на переезде сына (наследник вырос) именно в Лондон, обеспечив его всеми удобствами. Однако даже два года назад Брэдли не выглядел так, как сейчас!

Итак, возвращаемся на нашу барселонскую кухню. Перед нами сидит наш друг Брэдли и собирается посвятить нас во что-то очень важное.

– Пожалуй, я начну, – сказал Брэдли.

За мгновение до того, как он заговорил, он стал выглядеть так, будто собирался отвечать на экзамене, вытянутые руки он держал на стакане с виски, который при этом очень тщательно рассматривал, поворачивая его из стороны в сторону.

– В прошлом году отец рассказал мне одну вещь... Кстати, сразу хочу вас попросить об одолжении: всё, что я сейчас скажу, не должно выйти за пределы этой комнаты. Ладно? Я вам доверяю!

Мы с Доном синхронно кивнули. Разве у нас был выбор?

– Так вот, – продолжил Брэдли, – оказалось, что у моего отца есть бизнес, который, грубо говоря, не является основной деятельностью нашей семьи и естественно не освещается СМИ.

Я внимательно смотрел на Брэда, слушал каждое его слово, однако краем глаза заметил, как Дон откинулся на стул, скрестив руки на груди. По лицу его скользнула едва заметная тень улыбки, и выглядел он так, будто ему что-то было известно.

С каждой новой секундой Брэду было всё тяжелее и тяжелее говорить, и он, будто с болью в горле, выжимал из себя каждое слово:

– В один прекрасный день отец просто посадил меня в самолёт до России – клянусь, я даже не помню название города, такая это была глушь – и привёз на какой-то завод. Завод этот стоял посреди поля, чуть ли не в лесу, а в радиусе километров двадцати никаких жилых районов не было. Мы зашли. С отцом все здоровались, а я, как идиот, плёлся рядом. Везде были какие-то люди, конечно же, большинство из них были русскими. Отец запретил мне задавать вопросы, пока сам всё не увижу. Мы зашли в цех. Станки так громко работали, что в ушах звенело... Ладно, не буду ходить вокруг да около: у моего отца огромное количество заводов по производству оружия. Это дело, естественно, не совсем законное. И вот он отвёл меня в какой-то пыльный кабинет и стал всё объяснять. Он, оказалось, почти всю жизнь в этом всё м вертится, ну и деньги все наши соответственно оттуда...

Дон, не меняя позы, смотрел на Брэдли немного озлобленным и напряжённым взглядом. Я не мог понять, что происходит – сын миллиардера сидит на моей кухне и рассказывает о страшных тайнах своей семьи. Брэдли за несколько минут перестал быть моим школьным другом, и образ того парня, которого я знал когда-то, больше не существовал.

В то время он продолжал:

– Отец вообще постоянно указывал на тот факт, что я никчёмный сын и сам ничего никогда не смогу. А в тот раз он сказал, что даёт мне шанс доказать обратное. И я не имел права на отказ.

– Почему ты рассказываешь всё это? – не сдержался я.

– Да потому что, Джеймс! – уже не говорил, а кричал он. – Я не могу тянуть всё это один... Эти люди... Эти люди совсем ничего не понимают! Ты когда-нибудь видел русских, которые живут в деревнях? Они много пьют и не выходят на работу. Они уверены, что мы не можем их уволить, потому что они знают слишком много. Я не могу их всех контролировать. А другие люди... сам понимаешь... Они тычут в меня моим же оружием, устанавливают сроки, угрожают, я боюсь порой на улицу выходить!

– Послушай, Брэдли, – вмешался Дон, – я же сразу понял, зачем ты приехал.

– Да что с тобой не так, Дон? – воскликнул я, возмущившись самодовольному виду своего соседа.

– Я думаю, пора рассказать всё как есть, Дон, – строгим голосом выдавил из себя Брэдли. – Джеймс – твой лучший друг, а ты полжизни скрывал от него правду.

– Я даже не знаю, с чего начать. Джеймс, ты ведь должен понять, что я ничего не говорил только для твоей же безопасности. Мой отец работал на отца Брэдли, и незадолго до окончания школы я стал ему помогать. Когда отца убили, я решил, что наконец свободен и меня с этим больше ничего не связывает.

– Так вот где ты постоянно пропадал! – произнёс я первое, что пришло мне в голову.

– Недавно Брэд связался со мной, сказал, что ему нужна помощь.

– То есть ты знал, что он сегодня приедет?

– Я его, если честно, уже недели две как жду. Я уже думал, что что-то произошло.

– Пока не произошло, – промямлил себе под нос Брэдли.

Я никому не пожелаю пережить такое дважды за десять минут: два моих друга детства оказались какими-то оружейными магнатами. Я был зол. Злость распирала меня, и мне хотелось ударить кого-нибудь из них. Особенно, конечно, Дона, который столько лет перед моим носом занимался не пойми чем, а я, как последний дурак, верил, что мы в этой квартире живём бесплатно по чьей-то доброте душевной. Постоянное отсутствие Дона и документы на визу в Россию, которые он однажды оставил на кровати, сложились в одну прекрасную картину.

Не могу не признаться, что на протяжении всего разговора часы на руке Брэдли разжигали самую настоящую зависть в моей душе, и мысль о том, что я хочу жить так же, не переставала мозолить моё сознание.

– Дон, я хочу, чтобы ты вернулся, – официальным тоном отчеканил Брэд и направил взгляд на меня: – Джеймс, я хочу, чтобы ты работал с нами!

– Я даже не знаю, что сказать.

Мне казалось, что всё это мне снится. Не подумайте, будто я ни разу не задумался о риске, которому я собирался подвергнуть своё существование. Тем не менее, я снова взглянул на часы Брэдли и без малейшего знания элементарных деталей предлагаемого мне дела дал положительный ответ, спросив лишь:

– А почему я?

– Тебе я доверяю так же, как Дону. И никому, кроме вас, я всего этого бы не рассказал.

Мне было наплевать на то, что меня ждёт и как всё это будет происходить. Я знал одно: меня катастрофически раздражало, что мои друзья, которых я по жизни привык опережать во всём, обвели меня вокруг пальца, ничего не рассказав раньше. Меня отвращал и пугал тот факт, что скажи я «Нет», они бы вдвоём, без меня, продолжили заниматься чем-то, что меня касаться не будет. От нарастающего во мне гнева я не мог допустить отрицательного ответа на любое их предложение, даже если бы предложением было всем вместе шагнуть из окна. Я должен был быть с ними. И часы на руке Брэда, конечно, сыграли свою роль.

Я не буду вдаваться в подробности всего, о чём мне рассказывал Брэдли следующие три часа. Он вводил меня в полный курс дела. Как я понял, делать не придётся практически ничего, кроме того, что перестать спокойно спать и всегда оглядываться, выходя из дома. Желательно также ещё и носить бронезилет. Денег будет много, а времени – мало. Уйти будет нельзя, если

тебя самого не попросят. Я успел уже тысячу раз проклясть тот день, когда мы с Брэдли родились на одной улице. То, во что я ввязался, не было предложением, это было принуждением, и отказ бы стал равносильен смерти.

Итак, перед вами я, Джеймс Купер, человек, который, абсолютно не понимая, что делает, решил связать свою жизнь с незаконным оборотом оружия, а, как впоследствии оказалось, ещё и с незаконным оборотом наркотиков и многими другими незаконными вещами, которые мистер Джонатан Парсонс так благочестиво взвалил на плечи своего несамостоятельного сына.

После долгого и убедительного разговора о том, что нам предстоит, мы, уже изрядно набравшись, отправились отмечать драматическое воссоединение нашей троицы. Первым делом поехали в любимый клуб Дона, где он бывал порядка трёх раз в месяц. Однако я был очень удивлён тому, что как своего в этом клубе встречали не Дона, а Брэдли: охранники, низко кланяясь, пожимали ему руки, девушки улыбались так, будто с каждой из них он провёл самую незабываемую в их жизни ночь, а официанты бегали, будто пришла сама королева Англии. Я уже не говорю о хозяине клуба, который гостеприимно принял нас в своей ложе, и мы абсолютно бесплатно распивали напитки, стоимость которых превышала сумму всех денег, потраченных мной к тому моменту. Я просто никак не мог понять, каким образом Брэдли удалось вывести свою жизнь на такой уровень, что даже в городе, в котором он бывал раз пять от силы, с ним обращались так, будто он сам этот город построил. Я также сделал вывод, что Брэдли в том клубе был впервые, потому что перед выходом из ложи он спросил у Дона, где находится туалет.

Сейчас я рассказываю об этом так, как это было на самом деле, акцентируя внимание на том, какой шок я испытал и насколько был поражён происходящим вокруг, как глупо и унижительно я чувствовал себя в компании своих друзей, которые полжизни скрывали от меня неведомые тайны, и как, узнав о них, я по собственной воле стал частью этих тайн. Любой другой бы плюнул в сторону таких друзей и убежал в обиду, сохранив своё достоинство. Но моя жажда власти и денег не дала мне поступить по совести, и я всего лишь сделал вид, что не осознал их предательства, а принял его как должное. И вот я сидел в том клубе, делая вид, что всё на своих местах и что протекающие события не имеют ничего общего с абсурдом. Я проявил свои актёрские данные по максимуму: старательно притворялся тем, кем не являлся. Грубо говоря, будь я искренен в тот момент, я бы, как ребёнок-аутист, рассматривал танцовщиц в клетках и спрашивал у хозяина что-нибудь типа «А это правда ваш клуб?», при этом изо рта у меня градом бы лились слюни. Но я сидел с лицом, которое говорило, что меня тошнит от всего вокруг, что мне совершенно не интересен ни один человек, что я являюсь неотъемлемой частью бизнеса, о котором я, правда, ещё ничего не знал. И сидел я там потому, что статус обязывал. Я уверен, что я был ужасно взволнован, руки у меня тряслись так, что содержимое стакана выливалось наружу, но я, как только мог, притворялся невозмутимо спокойным. В голове моей неистово крутился вопрос «Как они могли?». Я то и дело хотел оторвать Дона от декольте очередной девки и наорать на него, а потом уехать в неизвестном направлении и никогда не давать о себе знать ни тому, ни другому. Но я сидел там. Я сидел там и не вставал. И ни одна моя мышца так и не дрогнула в попытке подняться.

David Bowie. Moonage Daydream

Глава 3

Подобно многим гениям, он обладал трезвым холодным умом, ценившим развлечения более захватывающие, чем череда эмоциональных всплесков.

Фрэнсис Скотт Фицджеральд
«Последний магнат» (1941 г.)

Утром я проснулся от ужасной головной боли. Последнее, что помню: мы втроём шли в неизвестном направлении и распевали непристойные песни, на улице уже светало. Открыв глаза, я, сказать по правде, молился, чтобы всё, что было, мне только приснилось. Меньше всего на свете я хотел, чтобы вчерашний приезд Брэда и его предложение, а также моё согласие были правдой. Я уже тысячу раз пожалел обо всём случившемся и ещё не раз скажу об этом.

Ещё не успев окончательно очнуться, я краем глаза увидел спины не известных мне девушек, закрывающих за собой входную дверь. Я только и успел подумать «Надеюсь, ничего не украли», как ко мне вломился Дон. Он был воодушевлён и полон сил.

– Просыпайся, придурок. Брэдли ждёт нас в ресторане через час!

– То есть мне это всё-таки не приснилось?

– Ты, я смотрю, не рад этому?

– Я ненавижу, когда ты отвечаешь вопросом на вопрос...

– Вставай скорее, я приготовил завтрак.

– Мы же идём в ресторан.

– А у тебя есть пара лишних сотен? Ты думаешь, мы в «Макдональдсе» встречаемся?

– Как я понял, деньги скоро будут...

– Молчи! Он ещё тысячу раз может передумать. Вчера заявился к нам, прикинулся старым добрым другом, напоил, накормил. Я не удивлюсь, если мы сейчас придём, а нам пустят по пуле в лоб.

– Ты шутишь? Ты вообще слышишь себя?

Я подпрыгнул на кровати как сумасшедший, схватил Дона за плечи и начал трясти – я же понятия не имел, во что встрял, вдруг его слова имели смысл.

– Успокойся ты. Да, такие люди способны на такое. Но я искренне надеюсь, что нам повезёт. Мы всё-таки не просто проходимцы какие-то. Я, например, знаю, где его мать живёт. И ты тоже знаешь...

– Заткнись! Я сейчас тебя убить готов! Всё из-за твоих тупых тайн! Знал бы я раньше, в чём ты варишься, в жизни бы к тебе больше не подошёл!

– О, что я слышу, мистер Купер... Что ж, посмотрим, как через пару месяцев ты будешь благодарить меня за то, что больше не живёшь в съёмной квартире и на мамины деньги. Или, может, желаешь остаться на своей работе и до пенсии карабкаться по карьерной лестнице при полном отсутствии сна и секса?

Мы пошли до ресторана пешком и за всё это время не обронили ни слова. Меня крайне раздражал тот факт, что приходится делить своё пространство с Доном. Страх того, что он, например, останется в деле, а меня закопают где-нибудь в русской степи, однозначно имел место быть. Не могу не отметить, что Дон в очередной раз выглядел как здоровый, непьющий и выспавшийся человек, тогда как я был похож на мешок дерьма. Похмелье однозначно было Дону к лицу.

Мы шли очень быстро, будто пытались догнать уходящий автобус, но так, чтобы окружающие не заметили этого. И так, почти незаметно, добрались до одного из самых престижных районов Барселоны, в котором я, признаться, бывал крайне редко. Дон, естественно, знал, куда

идти, и уверенно шагнул к повороту в ближайший переулок. В глаза сразу бросился припаркованный у входа автомобиль, за рулём которого сидел скучающий водитель и, позёвывая, беседовал с кем-то, кто, по всей видимости, находился на заднем сиденье и не был виден за затемнёнными стёклами. Я надеялся, что там не кто-нибудь, кто через несколько минут повесит меня за ноги в подвале и будет бить битой по почкам. Я старался не смотреть на эту машину. В холле со словами «Вас ожидают» нас встретил работник ресторана. Я так и не понял, кем он был: директором ресторана, официантом, а может, он и вовсе там не работал.

Просторный, светлый зал. Заняты всего несколько столов, и то только те, что наиболее отдалены от того места, где нас ждал Брэдли. Увидев нас, он встал, второпях вытер рот салфеткой и отряхнул ладони о штаны, чтобы пожать нам руки.

– Джентльмены... (Я заметил странный и слегка нездоровый блеск в его глазах.) Доброе утро. (Меня трясло как перед первым днём в детском лагере. Я выбрал следующую тактику: сделать вид, будто если всё это подстава, то я это сразу понимал, а если это не подстава, то я даже и думать не смел о том, что это могла быть подстава.) Присаживайтесь.

Он махнул рукой в сторону официантов, и нам на стол, на котором и так стояло немало блюд, стали выставлять еду, которой можно было бы накормить роту солдат. Сквозь быстродвигающиеся руки официантов я осторожно посматривал на неестественную улыбку Брэда.

– Друзья... У нас сегодня разговор короткий, но приятный. Надеюсь, вы помните всё, о чём я вчера вам рассказал?

– Конечно. Такое забудешь! – сказал я радостно, пытаясь втереться к нему в доверие.

– Указания дам позже. А пока на всякий случай повторю второй и последний раз, а я никогда не повторяю дважды, но делаю исключение для вас, вы же новенькие, то есть ты, Джеймс, новенький: вы (Он взглянул на меня.) никому не говорите ни о чём, если будут спрашивать – тем более. Придумывайте, что хотите, мне всё равно, но забудьте слово «правда». Вам все ясно?

– Да, – ответил я дрожащим голосом.

– Отлично. Больше мы к этому не возвращаемся. Как себя чувствуете?

– Дон – отлично, я – не очень, – ответил только я, потому что мы с Доном всё ещё не разговаривали, к тому же, пока я выслушивал скрытые угрозы, он уже тихо дожёвывал второй десерт. Он всё-таки был более раскрепощён в компании Брэдли.

Я не видел смысла в той нашей встрече: нам ничего не объяснили и не дали понять, что нужно делать, куда ехать, когда, в конце концов, я должен был получить свои деньги. Эти люди что, сами догадываются обо всем? У меня, как-никак, всё ещё есть работа, и на следующий день мне нужно будет туда идти. Такое ощущение, будто Дона все эти вопросы не интересовали, и я опять один ничего не понимал. Порядка сорока минут мы сидели за тем столом и разговаривали на отвлечённые темы, а я так и не решился спросить обо всём, что меня тревожило. Счёт не принесли, мы просто встали и ушли, будто завтракали у себя дома. Незнание всей ситуации расстраивало меня. Вдруг от меня ждут большего? Вдруг я должен сам во всём разобраться? А я же совсем ничего не понимаю. Я опозорюсь. А потом меня убьют... Я не мог остановить поток своих мыслей.

Мы покинули ресторан и остановились у машины. Брэд окликнул водителя, и тот кнопкой открыл багажник. «Наконец-то, – подумал я. – Мы, кажется, увидим хоть какой-то инвентарь». И нам протянули по чемодану. Два чёрных строгих кейса. Настоящий итальянский фильм. И всё это наяву!

– Здесь вы найдёте всё необходимое. Пароли – ваши даты рождения. Ну, до скорого!

Не дождавшись нашего ответа, Брэдли шмыгнул в открытую дверь машины. А там я увидел – не поверите! – девушку. Вот кто разговаривал с водителем! Там сидела девушка! Я раньше никогда не видел таких девушек! Это была лучшая из всех девушек, что я когда-либо видел. За две с половиной секунды, пока дверь была открыта, я успел достаточно хорошо

запомнить её черты. На четверть мгновения она задержала свой взгляд на мне, и в это время я успел испытать небольшой инфаркт. Это была любовь с первого взгляда. Клянусь вам: если бы после этой двухсекундной встречи она бы оказалась заколдованной вечным сном, мой поцелуй разбудил бы её. Что заморозило меня больше всего, так это моё полное непонимание того, о чём говорили её глаза. Да, скорее всего я преувеличиваю и лишь дальнейшие события заставили меня описывать ту встречу именно в таком ключе. Однако эта незнакомка запала мне в душу и примерно дважды в день в течение следующих недель я вспоминал о ней.

Как только автомобиль Брэдли исчез из поля моего зрения, меня осенило: «Она была в его машине. Здесь даже думать и размышлять не о чем – они вместе. Я могу только смотреть и завидовать. Почему он не пригласил её с нами в ресторан? Может, она сама не захотела идти? Какое неуважение – заставлять такую девушку битый час сидеть в машине и развлекать беседой водителя. Может, у них всё несерьёзно? Может, она проститутка, эскорт? Нет. Это точно была не проститутка. Он просто закрыл её в салоне машины, а она сидела и ждала. Как это понимать? Я боялся думать об этом, но и не думать об этом не мог. Надеюсь увидеть её ещё не раз. Правда, мечтать о ней стоит себе запретить».

– Не так уж и страшно, правда? – вернул меня к реальности Дон. Он, видимо, уже решил мириться.

– Я не успокоюсь, пока не увижу содержимое этих чемоданов, – спокойно сказал я, с трудом отведя взгляд от поворота.

– Пошли скорее домой. У меня руки чешутся. Хотя я догадываюсь, что там.

– Даже я догадываюсь, – довольно отметил я, а мои зрачки зажглись прыгающими знаками доллара.

Забавно, что, будучи русским по национальности, я получил русский паспорт только к двадцати трём годам, к тому же незаконно. Меня тогда звали Андреем. И была какая-то глупая склоняющаяся фамилия. Чего в том чемодане только не было! Помимо русского паспорта в нём лежали ещё два европейских, стопка бумаг, непонятных документов, авиабилетов, куча денег и несколько банковских карт с паролями. Мы с Доном обложились бумагами и, словно дети, играющие с конструктором, подробно изучали всё, что было изложено на каждом листе. Поразительно, как всё было продумано! Подробные досье на всех, с кем нам придётся работать (встретилось несколько знакомых лиц). На нескольких страницах были расписаны наши действия на ближайший месяц: каждый полёт, каждый адрес, время с точностью до минут. Мне было не по себе. Я чувствовал себя марионеткой в руках высокопоставленных особ: просто должен делать то, что нужно, словно глупая пешка без цели и амбиций. Посмотрев на деньги, я быстро успокоился. К документам прилагалось письмо от Брэдли. В нём он извинился за слишком подробные разъяснения всех деталей – он, мол, понимает, что мы не дураки, но подстраховаться было необходимо. Написал, что всё так просто будет только поначалу, а по истечении месяца всё придётся организовывать и покупать уже самостоятельно.

– Ну, расскажи мне, наконец, как всё это выглядит на практике, – обратился я к Дону.

– Да ничего страшного, если честно. Главное – делать спокойный и слегка утрашающий вид, будто не ты кому-то должен, а тебе должны, не проявлять своей неосведомлённости, будто с детства знаешь, что к чему.

– Смотри, первый раз летим уже в четверг: рейс до Москвы. Ты ведь там уже был?

– Был. Ты только не мечтай о Красной площади – нас встретят, и мы сразу поедем на завод. Нам сначала всё показывать будут. Ну, не нам, а тебе, я-то там был уже. Вот, смотри, дальше написано: «...едем в центр на переговоры». Я этих людей знаю: когда отец был жив, я всегда с ними работал.

– Ты меня успокоил. Первая встреча будет не такой страшной, раз ты там с кем-то знаком.

– Знаешь, это только со стороны всё страшным кажется – думаешь: «Мафия, бандиты, оружие...». А ведь все же люди адекватные, никому проблемы не нужны, так что всё всегда очень спокойно проходит. Со временем покажется, что это такая же работа, как и любая другая.

– А чего же ты тогда так боялся, что нам по пуле в лоб пустят?

– Ну, кто их знает... Сейчас-то всё хорошо уже. Пронесло, так сказать...

В понедельник я первым делом понёсся на работу, чтобы уволиться по собственному желанию. Объяснил это личными обстоятельствами. Там никто, честно говоря, и не расстроился и лишних вопросов задавать не стал.

Я, кстати, не переставал периодически вспоминать о той девушке в машине. Я уж было и забыл черты её лица, но её мимолётный взгляд завладел мной надолго.

Зашёл домой, и, как назло, пришло письмо от Риты. Давно не получал известий от неё, и как раз, как только мне кто-то приглянулся, она уже тут как тут – на расстоянии чувствует, что нужно дать о себе знать. «Дорогой Джеймс, – писала Рита. – Я узнала, что ты был в Барбате тогда же, когда и я. Я была очень расстроена, что у нас не получилось встретиться. Во вторник прилетаю в Барселону и очень хочу увидеть тебя. Надеюсь, письмо придёт до этого времени. Позвоню тебе, как буду свободна. Жди. Целую. Рита».

Да уж, не вовремя. Сейчас от неё никак не отвертись: поставила перед фактом. Что же такое за обострение у них, у моих друзей детства? Все вдруг ринулись в Барселону на встречу со мной. Интересно, что ей от меня нужно. Столько лет ей было достаточно лишь глупых писем, а сейчас настаивает на встрече. Даже стало немного интересно. Этот интерес к жизни своей бывшей второй половины всё-таки неотвратим. Чувств никаких, естественно, нет, однако дико интересно, что там и у кого происходит.

Звонок Риты не заставил себя долго ждать. Мы договорились встретиться после обеда и погулять по городу. Когда я подъехал к площади Каталонии, разглядел силуэт в ярко-красном платье, устроившийся на лавке. Меня изначально отвращала мысль, что она будет пытаться меня соблазнить. Я подошёл к ней, она театрально бросилась ко мне на шею и поцеловала в щёку.

– Ну, здравствуй, мой дорогой друг!

Она ничуть не потолстела, как я ожидал, наоборот, вроде даже похудела, выглядела свежо. Сразу видно: готовилась к нашей встрече. Лёгкий цветочный аромат витал вокруг. Эти духи я впервые подарил ей в десятом классе, и с тех пор она пользуется только ими.

– Привет, – сухо, но с улыбкой ответил я.

– Куда пойдём?

Её вопрос звучал так, будто последняя наша встреча была за день до этого, а не пять лет назад.

Совсем не ожидал такого от себя, но я был очень рад её видеть. Тут же захотелось взять обратно все свои слова на её счёт. Никакой любовной или эротической подоплёки: я скучал по ней как по своему другу. Мне было приятно и даже интересно разговаривать с ней. Истинная же её сущность редко проглядывала сквозь её повзрослевший разум. От прошлой Риты остались лишь туманные отголоски школьных лет, столь умело завуалированные её нынешним более чем здравым сознанием. Однако всё это казалось мне каким-то обманом. То, какой она была в своих письмах, – абсолютная противоположность той Риты, которую я увидел. Этот дисбаланс был неким барьером между нами, но я старался не думать об этом. Мы дошли до ближайшего кафе, где нас ждал Дон. Рита радостно развела руки в стороны и бросилась в его объятия. Тот был искренне рад её видеть. Он отодвинул стул, чтобы Рита села, а я резко бросил на стол свои солнцезащитные очки, сел к ним вполоборота и поднял руку вверх в ожидании официанта.

– Кстати, Джеймс, – предательски окликнул меня мой товарищ, – звонил Брэдли.

– Брэдли? – завопила Рита. – Он тоже здесь? Я думала, он живёт в Лондоне!

Дон продолжил:

– Он предлагает нам сегодня встретиться. Устраивает небольшую вечеринку у себя в отеле. Сказал, желательно прийти с дамой.

– Джеймс, я иду с тобой! И это не обсуждается! – обрадовалась Рита и положила свою ладонь на мою.

И я снова почувствовал претензию на собственность. Грустно и смешно осознавать, насколько один и тот же человек может устраивать и не устраивать тебя в разных своих ипостасях: Рита, моя подруга детства, – адекватный, нескучный собеседник, преданный товарищ и просто здравомыслящий человек, Рита, моя бывшая девушка, – претенциозная, гадкая особа с мерзкой привычкой ходить по головам, обманывать, несмешно шутить и заводиться с полоборота. К моему сожалению, провести тот вечер мне было больше не с кем, а появиться на людях в одиночку означало упасть в грязь лицом или, что ещё хуже, дать повод усомниться в своей ориентации. Да и Рита выглядела очень даже презентабельно.

Мы ещё немного посидели, и я обещал заехать за ней вечером. Я решил немного полежать в ванной и почитать книгу, но не мог сконцентрироваться ни на одной странице и думал только о том, что на вечере наверняка будут друзья Брэдли, люди воспитанные и интеллигентные, и не дай бог мне опозориться! И тут меня осенило: «Она! Она тоже будет там! Раз Брэд сказал приходить с дамами, значит, и сам будет не один! Я снова её увижу. Только почему Рита так не вовремя появилась в Барселоне!»

Rolling Stones. Play with Fire

Глава 4

Вы же сами понимаете: не может человек умирать от любви к тому, с кем едва знаком.
Эмили Бронте «Грозовой перевал» (1847 г.)

Типичный дорогой европейский отель. Просторный светлый холл. Запах свежих цветов. Мраморные лестницы. Мебель последнего дизайна. Примерно так же можно описать и номер Брэда, а точнее, этаж, где он остановился. Максимальная концентрация красивых, хорошо одетых людей на один квадратный метр. Таких людей я не видел на улицах. Они будто сошли с обложек или экранов голливудских фильмов. Радовало, что мы с Доном соответствовали всему этому, ведь потратили немалую сумму на новые костюмы. Рита, по всей видимости, тоже надела своё самое лучшее платье.

Звон бокалов с разноцветными коктейлями и шампанским. Тихая, но динамичная музыка. Приглушённый свет. Я никогда раньше не был на таких вечеринках. Как бы ни воодушевляла меня атмосфера места, в котором мне посчастливилось побывать, я всё-таки понимал, кто меня окружает. Девушки, например, делились на два типа: дочки богатых родителей и содержанки, тщательно скрывающие своё происхождение и источник дохода.

Сейчас мне совершенно не ясно, что меня там так прельстило. Я был воспитан в других условиях и всегда презирал такого рода людей. Почуввав же возможность стать одним из них, я окунулся в эту возможность с головой. Я оправдывал себя тем, что только дурак бы отказался от денег, что раз это встало на моём пути, значит, другого пути у меня и не было. До конца своих дней я с весёлой грустью вспоминал о каждом прожитом часе, но последним таким часом был тот миг, когда Брэдли появился на моём пороге. Мне тошно думать обо всём, что связывало меня с миром, где у меня были деньги. Обо всём, кроме неё.

Я разглядел её в толпе. Помню, как сейчас, на ней было короткое бежевое платье, высокие каблуки и свежий загар. Тёмные, завитые в крупные кудри волосы чуть ниже плеч идеально дополняли её внешний вид. Даже среди всех тех людей она казалась королевой. Она посмотрела на меня. Взгляд у неё был такой же, как тогда в машине, только более заинтересованный. Тут же Брэдли взял её под руку и весело направился в мою сторону. У неё была уверенная походка. Она словно возвышалась над всеми.

– Джеймс, это Одри. Одри, это Джеймс – мой новый партнёр и просто хороший друг. Теперь вы, наверное, будете видеться чаще, – к счастью для меня отметил Брэд.

– Очень приятно, – смущённо обронил я самую банальную из всех самых банальных фраз, которые только можно сказать в такой момент.

Я так испугался, что даже никакой жалкой шутки не смогло прийти мне в голову. Я постараюсь кратко и не фанатично описать свои эмоции в тот момент, чтобы не показаться стандартным влюблённым литературным героем. Начнём с главного – её улыбки. Это первое, что бросалось в глаза, когда она смотрела на меня. Как говорил Фицджеральд, такую улыбку «удается встретить четыре, ну – пять раз в жизни». Осмелюсь не согласиться с таким мнением, потому что её улыбка была уникальна. Было невозможно не улыбнуться в ответ. Я зависел от этой улыбки. Я был рабом этой улыбки. В дальнейшем – позволю себе заглянуть вперёд – я никогда не мог устоять перед ямочками на её щеках, которые так гармонично сочетались с разрезом её пухлых губ. Как бы она ни была виновата, какой бы ненависти я к ней не питал, как бы ни хотелось оставить её раз и навсегда, стоило увидеть хотя бы намёк на эту улыбку на её лице, и я тут же забывал обо всём на свете, лишь бы она никогда не переставала улыбаться. Я был готов убить, умереть, отречься от всего человеческого, лишь бы знать, лишь бы быть уверенным в том, что вижу эту улыбку не в последний раз.

Мы втроём обменивались общими фразами о погоде, когда мне на помощь пришла Рита. Увидев Брэда из-за моей спины, она бросилась к нему, и они стали радушно обниматься, перебивая друг друга, удивляясь столь неожиданной встрече. Я стоял напротив Одри и, чтобы не выдать своих страха и смущения, не отрываясь смотрел ей в глаза. Это всегда срабатывало с другими девушками, и я был уверен, что после встречи со мной каждая из них лежит в кровати со своим мужчиной и думает обо мне. Здесь же я не был в этом уверен. Мы с Одри расположились на диване у камина и разговаривали порядка часа, пока Рита ревностно не прервала меня, чтобы попросить принести ей вина. Сейчас я ни за что не вспомню того разговора, ни единой темы, которые мы поднимали. Могу сказать, что за тот час я ни на шаг не приблизился к ней. Я помню лишь то неизгладимое впечатление, которое произвела она на меня. Она была дружелюбна и мила, но я ничего не мог прочесть в её глазах. Её лицо ничего не говорило, не выдавало ни малейшей эмоции по отношению ко мне. Она была выше всего, что происходило вокруг. Она никому не принадлежала, никому ничего не была должна. Я говорил с ней, я смотрел на неё, я слышал её голос, но её не было рядом, она была совсем в другом месте, а я был просто атрибутом её вечера. Она была загадкой, которую не под силу было разгадать даже ей самой.

Всю ночь я не мог уснуть. Рита сонно обнимала мою руку, а я без движений лежал на спине и смотрел в потолок. Со мной никогда такого не случалось. Я часто плохо спал, но бессонница из-за девушки – это было впервые. Больше всего меня волновало, почему она с Брэдли. Я знал его слишком хорошо, чтобы поверить, что лучшая девушка досталась именно ему. Я не представлял их вместе. Я не видел её ни с кем рядом. Даже с самим собой. Даже я не был её достоин. Однако план действий бесконечно строился в моей голове. Я обдумал тысячу вариантов того, как поступить, но здравый смысл подсказывал, что это девушка моего друга, человека, который, как ангел с небес, свалился мне на голову и дал кучу денег. Я зависел от него и не имел права даже думать о том, что принадлежало ему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.